

Особый язык тишины и темноты

Владимир Коркунов

Внутри шести тайников Луи Брайля:

СЛЕПОГЛУХОТА И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_224

В комнате слепоглухого человека установлен вентилятор. Когда к нему приходят гости и нажимают кнопку звонка (живет он один), лопасти начинают работу — хозяин квартиры чувствует движение воздуха и понимает: пора открывать дверь. Он идет медленно, держась за стены, — синдром Фридрейха практически сделал свое дело, добавив к сенсорным проблемам большие суставы. «Гуляет» он теперь только в инвалидной коляске, хотя раньше исходил пешком все парки Москвы. Еще несколько лет назад, когда у него сохранялась светочувствительность, в комнате находилась мощная лампа, и по вспышкам света, реагирующим на звонок, он узнавал о приходе гостей. Но вот — глаза перестали воспринимать свет, и он вспомнил, как в юности, когда вместе с тремя другими слепоглухими молодыми людьми первым в СССР получал полное высшее образование МГУ, преподаватель включал вентилятор, вызывая студента отвечать. Еще недавно газеты писали, что слепоглухие (тогда слепоглухонемые) — глубоко умственно отсталые, неспособные к обучению люди; он (и его одногруппники) на своем примере доказывал обратное. Позже будут кандидатская и докторская, награды от ООН, звание почетного профессора одного из американских вузов, многолетний опыт преподавания в Московском государственном психолого-педагогическом университете (он и сейчас профессор). А тогда — поток воздуха вызывал его к доске, как и сейчас — к двери, за которой стоит гость, что ненадолго разбавит его одиночество...

Многие считают, что слепоглухой человек — тот, кто абсолютно ничего не видит и не слышит. Это миф. Тотально слепоглухих людей не более 6—7% от общего числа, у остальных может быть остаточный слух или остаточное зрение¹. Или и то и другое.

Хотя слепоглухие люди находятся в некоей социальной изоляции, их нельзя назвать неполноценными. Они работают на специальных предприятиях, занимаются массажем, путешествуют, увлекаются спортом и творчеством. У них есть свои средства общения. Выражение «слепоглухонемой» (тогда еще без приписки «человек») — атавизм советской эпохи, когда в прессе проскакивали выражения «глубоко умственно отсталый», а самим слепоглухим людям отказывали в праве на полноценную реабилитацию и образование. Русский жестовый язык с региональными диалектами, дактилология (пальцевый алфавит), дермография, код Лорма — способов общения, чтобы отделить часть слова «немой»², немало; к тому же у потерявших в зрелом возрасте слух, как правило, сохраняется речь.

Слепоглухие люди взаимодействуют с миром с помощью рук. И если для зрячеслышащих людей до 90% информации приходит через глаза (исследования разнятся, а вилка, которую я видел, — 70—90%), то у них именно руки становятся глазами. Поэтому не стоит удивляться, читая/слыша: я *посмотрел* руками картину, экспонат, дерево и т.д. Вместе с навыком осязания растут обоняние (поэтому мы не можем 90% получаемой информации автоматически перенести на руки) и память. Вера Филатова, участница нашего документального проекта, рассказывала, что «чувствует» пролетающих мух, а из другой комнаты понимает, что в кастрюле закипела вода. Алена Капустьян по запаху духов может понять, кто находится в комнате. А Ирина Поволоцкая рассказывает, что, лишившись слуха и зрения, выучила более десяти иностранных языков — звуковые и слуховые факторы ее не отвлекали³. Именно ей принадлежат стихи, наполненные особым опытом, недоступным зрячеслышащим людям: «Улыбаюсь сердечности / ваших рук»⁴.

Сердечность рук — не только об особом эмпатическом восприятии. Встретить не по одежке, а тактильно — обычная практика в среде слепоглухих людей. Когда я только познакомился с Поволоцкой, она спросила, может ли она *узнать* меня, — я разрешил, и она исследовала руками мою голову, включая лицо, чтобы понять, как выглядит собеседник.

Феномен творчества слепоглухих людей — тема отдельной статьи. Достаточно сказать, что отсутствие зрения и слуха не является преградой для художественного опыта, слепоглухие люди пишут конвенциональные поэтические тексты (Николай Кузнецов, Елена Волох), верлибры (Галина Ушакова, Аль-

-
- 1 Всего в России, по оценкам ВОЗ, около 14 тысяч слепоглухих людей.
 - 2 Отчасти слово «немой» может быть использовано в отношении детей, родившихся со слепоглухотой и не коммуницирующих с родителями.
 - 3 При этом, как говорила Ирина, а также Елена Волох, тотальной тишины не бывает — всегда присутствуют остатки, шумы, но они не несут осмысленной информации и скоро становятся фоном.
 - 4 *Поволоцкая И.* «Радуют встречи...» // <https://slovo.so-edinenie.org/ирина-поволоцкая-радуют-встречи-кого/> (дата обращения: 02.11.2023).

бина Снижко), прозу (Любовь Молодых, Наталья Демьяненко, Александр Галан, Арина Деньмухамедова), научные тексты, включая диссертационные исследования (Александр Суворов, Сергей Сироткин, Андрей Марков), — кто-то в состоянии тотальной слепоглухоты, кто-то с остаточным слухом и зрением.

Отчасти это воссозданная словесность (при этом полноценная), отчасти строящаяся на воспоминаниях — часть людей с синдромом Ушера полностью теряют слух и зрение в зрелом возрасте и часто успевают получить хорошее образование. Тотально слепоглухая главный редактор журнала «Ваш собеседник» Наталья Кремнева прошла через это «умирание» и нашла в себе силы жить дальше: «До сих пор не знаю, как я тогда осталась жива... Было все — отчаяние, страх, бесконечные слезы, просто нежелание жить...»⁵

Не все смогли не то что полноценно жить — остаться в живых. «Кто-то спивается, кто-то самоубивается», — в одном из писем поделился Владимир Елфимов, сумевший не только сохранить жизнь, но и дать новую: он отец двух дочерей, а дома, несмотря на тотальную слепоглухоту, способен обслуживать себя и даже чинить электрику!

*

История реабилитации слепоглухих людей (тифлосурдопедагогика) берет начало в XVIII веке во Франции, когда был описан первый успешный опыт обучения слепоглухого подростка, Викторин Морисо (1789—1832). Девушка, родившаяся глухой и потерявшая зрение в детстве, освоила жестовый язык⁶. Шотландец Джеймс Митчелл (1795—1869) изучил созданную его родными «личную» систему тактильных знаков, что помогало ему жить, общаться и даже работать по хозяйству, например ухаживать за лошадьми⁷.

Системно, а главное, успешно к работе со слепоглухими детьми приступили в США, где в 1832 году открылась Перкинс-школа. Вначале там работали исключительно с незрячими детьми, однако в 1837 году директор Самуэл Хоув узнал о слепоглухой девушке Лауре (Лоре) Бриджмен (1829—1889), съездил к ее семье, и затем девочка переехала в Перкинс. Эту дату принято считать началом тифлосурдопедагогика. Пять лет спустя Чарльз Диккенс встретился с ней (к тому времени Лаура освоила чтение и письмо, шила и вязала, писала стихи⁸, хоть и не говорила вслух), и вскоре о ней узнал весь читающий мир:

...Я сидел подле слепой, глухой и немой девочки, лишенной обоняния и почти лишенной вкуса, — подле совсем юного существа, наделенного всеми человеческими свойствами: надеждами, привязанностью, стремлением к добру, но лишь

5 Обрести смысл, потеряв все. Наталья Кремнева о счастливом детстве, учебе в МГУ, полной потере слуха и зрения, организации «Ушер-Форум» и журнале «Ваш собеседник» // Артикуляция. 2021. № 14 (<http://articulationproject.net/10261> (дата обращения: 02.11.2023)).

6 *Басилова Т.А.* Опыт воспитания и обучения слепоглухих в странах Западной Европы // Тифлосурдопедагогика / Под ред. Т.А. Басиловой, Е.Л. Гончаровой, Н.М. Назаровой. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 51.

7 Там же. С. 56.

8 Самое известное Holy Home, сканы текста хранятся в архивах Перкинс-школы (<https://www.perkins.org/finding-aid/laura-bridgman/>).

одним из пяти чувств — осязанием. Она сидела передо мной, точно замурованная в мраморном склепе, куда не проникало ни малейшего звука или луча света, и только ее бедная белая ручка, просунувшись сквозь щель в стене, тянулась к добрым людям за помощью, — чтобы не дали уснуть ее бессмертной душе⁹.

Хелен Келлер (1880—1968) стала самой известной воспитанницей Перкинса, хотя тут есть доля условности. Родители узнали о школе из «Американских заметок» Диккенса, связались с педагогами — и вскоре из Перкинс-школы к ним приехала Анна Салливан, посвятившая юной Хелен всю жизнь. Она занималась с девочкой на дому — по сути, отделив от родителей, которые мешали обучению, а затем и вовсе перевезла к себе домой. Первым делом Хелен освоила письмо на ладони, затем дактильный алфавит. «Первое слово, которое узнала Элен, было “вода”, — приводит слова Елены Сильяновой (глухой супруги totally слепоглухого человека) Наталья Оболенская. — Учительница лила воду на руку девочке и одновременно писала на ее ладошке крупными буквами: “Вода”. Так Элен знакомилась с предметами и запоминала их названия»¹⁰. Впоследствии Келлер освоила письмо и речь в самых разных проявлениях: дактилология, письмо от руки: обычными буквами и шрифтами для незрячих, научилась говорить голосом, причем на разных языках¹¹. Книги Келлер переведены в десятках стран. Она боролась за права женщин, встретиться с ней считали за честь президенты США («и Джон Кеннеди позволил ей / потрогать его прекрасное лицо»¹²), в двух музеях, в частности Helen Keller Birthplace, собраний экспонаты, посвященные ей. Фильм «Сотворившая чудо» (1962) — история Салливан и Келлер, а одновременно реконструкция их жизни — взял два «Оскара» и т.д.

В нашей стране со слепоглухими людьми первой стала работать Екатерина Грачёва. История ее приюта (1894) началась со слепоглухой парализованной девочки¹³. В СССР реабилитацией слепоглухих детей занимались Августа Ярмоленко (Ленинград) и Иван Соколянский (Харьков, затем Москва), который добился наибольших успехов. С миром «особых» людей Иван Афанасьевич был связан с детства. Его глухая нянька-подросток обучила его жестам; Соколянский контактировал со слепоглухими детьми, которых в 1909 году перевели из приюта Грачёвой в новый петербургский приют для слепоглухонемых. Позже, на базе школы для незрячих в Харькове, он открыл бисенсорное отделение (1925). Самой известной ученицей Соколянского стала Ольга Скороходова (1911—1982) — поэтесса, первый в СССР (а тогда в мире; ее еще называли

-
- 9 Диккенс Ч. Американские заметки / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой // Парадигма. 2020. № 2. С. 90.
- 10 Оболенская Н. Отметили международный день слепоглухих // Ваш собеседник. 2023. № 2. С. 53.
- 11 Как сказано выше, Ирина Поволоцкая выучила около десяти иностранных языков. А Николай Кузнецов (незрячий с кохлеарным имплантом) может на память пересказать содержание любой лекции в вузе; в среднем он слушает книги 12—14 часов в день, причем на увеличенной скорости, и помнит содержание каждой.
- 12 Гальберштадт А. Энн Салливан и Хелен Келлер // Я-тишина. Слепоглухота в текстах современных авторов. Антология / Сост. и ред. В. Коркунов. М.: UGAR, 2021. С. 67. (Добавим, что Хелен Келлер изучала руками лицо и другого президента США — Дуайта Дэвида Эйзенхауэра.)
- 13 Басилова Т.А. Обучение слепоглухих детей в России // Тифлосурдопедагогика... С. 65.

«советской Хелен Келлер») слепоглухой научный, затем старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук.

...Я помню, что у меня был сильный жар, мне чудились пожары, огненные бешеные собаки, которых я боялась и от которых стремилась убежать, — писала о болезни, приведшей к потере зрения и слуха, Ольга Ивановна. — Помню, однажды, когда я пришла в сознание, мать начала поить меня чаем с абрикосовым вареньем. Мне казалось, что я очень слаба, не хочу открывать глаза и поэтому ничего не вижу. Мать, которая все время ухаживала за мной, я узнавала по прикосновениям, не открывая глаз. Но на этот раз мне захотелось глазами увидеть, где стоит варенье и какого оно цвета. Я открыла глаза — так мне казалось, — но не увидела, где стоит варенье, в чем оно и какого оно цвета...¹⁴

Вместе с дефектологом Александром Мещеряковым Соколянский готовил программу обучения слепоглухих детей в будущем Загорском интернате для слепоглухих детей. На его базе позже возник знаменитый «загорский эксперимент», в ходе которого четверка слепоглухих — трое юношей и девушка — получили полное высшее образование МГУ. К эксперименту среди других ученых был близок философ-марксист Эвальд Ильенков, ставший для одного из четверки, Александра Суворова (р. 1953), духовным отцом. В одном из писем Суворов поделился с Ильенковым «недозволенными» мыслями — о тяге к смерти, вызванной слепоглухотой. Вопрос, который мучил юношу: отличаются ли чем-то принципиальным слепоглухие от зрячеслышащих, и если да, то чем? Тезис Ильенкова, что «нет специфических “слепоглухих” проблем, но есть более острая в экстремальных условиях, а потому более точная постановка проблем общечеловеческих, и специфические, слепоглухотой обусловленные, способы их решения»¹⁵, помог Суворову находить баланс в жизни в особо сложные — пограничные жизни/смерти — периоды.

Программу психфака МГУ слепоглухие (Суворов, Сергей Сироткин, Юрий Лернер и Наталья Корнеева) освоили за шесть лет — первый курс, пока шла адаптация к процессу обучения, за два года, дальше — курс в год. Изучали практически все предметы, кроме математики, иностранного и еще одного-двух.

Окончив МГУ, Суворов и Сироткин продолжили научную работу, защитив кандидатские диссертации, в случае Суворова — затем и докторскую («Человечность как фактор саморазвития личности»). В научном мире они оказались антагонистами, по-разному научно описывая жизнь в состоянии слепоглухоты — через духовный и вещный миры. Профессор Суворов, которому летом 2023 года исполнилось 70 лет, до сих пор преподает — у него авторский курс в МГППУ и авторский же прием зачетов: он не задает студенту вопросы, а просит студента спросить что-то у него, и по глубине вопроса понимает, насколько тот вникал в лекции.

В постсоветское время взрослые слепоглухие люди оказались практически вне внимания общества и государства — системная работа с ними, если убрать за скобки Сергиево-Посадский интернат (ориентированный на детей), не велась. Ощущение вакуума, который буквально поглотил еще недавно обильную господдержку, подтолкнул Сергея Сироткина создать в 1992 году общество

14 Скорородова О.И. Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Педагогика, 1972. С. 25.

15 Суворов А.В. Эксперимент длиною в жизнь. М.: ЛитГОСТ, 2021. С. 60.

«Эльвира» (после его ухода президентом стала его супруга Надежда Голован), впоследствии открыв филиалы в десятках российских регионов. Через несколько лет возник «Ушер-форум» (1998), объединивший слепоглухих людей с синдромом Ушера из Москвы (первый директор — Ирина Саломатина, сейчас — тотально слепоглухой скульптор Александр Сильянов). А в 2014 году начал работу фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» (первый руководитель Дмитрий Поликанов, сейчас — Наталья Соколова), его проекты: перепись слепоглухих людей, новые технологии, сопровождаемое проживание, досуговые центры, адресная помощь, обучение и др. — охватывают все регионы страны.

*

В базе данных фонда — около 4,5 тысяч слепоглухих людей. Определить, сколько среди них людей с сохранным интеллектом, достаточно сложно. В первую очередь это касается слепоглухих детей. Дисплеем Брайля, несмотря на его включение в федеральный список технических средств реабилитации, пользуется сравнительно небольшое число подопечных Благотворительного фонда. Тем не менее больше тысячи слепоглухих людей в стране постоянно используют соцсети, мессенджеры, читают новости, пишут письма. Примерно пара сотен занимается литературным творчеством. На портале «Зрячее сердце»¹⁶, открытом в марте 2023 года, опубликованы работы около шестидесяти пишущих слепоглухих людей. При этом выход слепоглухих авторов за пределы своего круга — в литературу зрячеслышащих — явление не слишком частое¹⁷. Чтобы восполнить эту лагуну, нами был задуман проект «На языке тишины», итогом которого стала антология «Я-тишина», вместившая в себя 124 автор_ок из 20 стран, и слепоглухих, и зрячеслышащих. «Речь слепоглухих авторов и тексты о слепоглухоте открывают иные способы взаимодействия поэзии с действительностью, раздвигая рамки понимания, что такое поэзия и для чего она нужна в XXI веке»¹⁸, — отмечает Алексей Масалов в рецензии на антологию. Переплетение реальных и документальных практик и их инклюзивные воплощения (как, например, проект «Идущий человек», посвященный историям людей с онкозаболеваниями) — тема отдельного разговора; однако если посмотреть на тексты зрячеслышащих людей о слепоглухоте и тексты самих слепоглухих людей, мы заметим одну особенность.

Если первые концентрируются на историях слепоглухих людей или на исчезновении звука/света в мире, то слепоглухие люди в поэтических работах гораздо реже переносят свои состояния в текст, более того — чаще описывают краски и звуки мира, будто бы видят и слышат сами. Порой даже боятся описать собственную слепоглухоту. В июле 2023 года слепоглухая поэтесса Евге-

16 <https://slovo.so-edinenie.org/> (дата обращения: 02.11.2023).

17 Из последнего: подборки слепоглухих людей (Ушакова, Суворов, Поволоцкая, Кузнецов, Капустьян) на портале «Полутона» (2020), тематический блок в журнале «Парадигма» (2020), отдельные публикации (например, того же Кузнецова в «Авроре», 2018, или Суворова в «Артикуляции», 2021; подборки в «НГ-Exlibris», 2018, и журнале «Дегуста», 2022), но в целом это нечастое явление.

18 Масалов А. Тактильное слово и сопричастность на кончиках пальцев // Poetica. 2022. № 1 (<https://licenzapoetica.name/points-of-view/critique/taktilnoe-slovo-i-soprichastnost-na-konchikah-palcev> (дата обращения: 02.11.2023)).

ния Лагунина написала мне: «Я почти никогда не пишу о своих проблемах со зрением и слухом. В минуты вдохновения не вспоминаю об этом. А пару стихотворений, в которых что-то есть об этом, мои друзья сильно раскритиковали». В тексте, который она приложила к сообщению («Блестит река, сирень в цвету, / Горят сапфиры, / А я иду сквозь темноту / Навстречу миру. // Едва заметный свет лучей / Дрожит немного... / Озарена теплом друзей / Моя дорога»), — были признаки ее особых состояний: темнота мира, внутренний свет; однако, если брать весь комплекс текстов Лагуниной¹⁹ (и многих других слепоглухих поэтов), это скорее исключение, чем правило.

Свет и звук в их стихах встречаются в причудливых сочетаниях. Ольга Балла заметила, что Николай Кузнецов «слышит сам воздух (и чувствует его форму) так, что наполняющие его звуки становятся цветными»²⁰, перенимая свойства осязания («Воздуха синие стоны — / Ветра игра под Луной, / Арфы бессонные звоны, / Слепок Вселенной живой. / Слепок чарующе-нежный: / Звук и беззвучье тая, / В склонах мерцающей бездны — / Звезды, седые моря...»). Звук в текстах слепоглухих людей также нередко сплетается с другими смысловыми/чувственными дискурсами, и осязание, если приглядеться, может включать в себя компенсационные элементы: «А я б хотел тебя по музыке вести / Сквозь нотный стан, аккордов лабиринты <...> А я б хотел с тобой по краешку пройти / Еще никем не сыгранных мелодий...» (Алексей Пижонков). В поэзии слепоглухих людей, в отличие от документализированной прозы и эссеистики, «меньше всего востребовано эмпирическое — то, что составляет повседневность человека, пораженного болезнью»²¹, подтверждает Юлия Подлубнова, намекая на практически неисследованную арку доципоэтру, основанную на словах, переписке, интервью, прозе, эссе слепоглухих людей.

В свою очередь, Анна Голубкова выделяет в их поэзии три типа высказывания: а) «ориентация на поэтический канон и классическую традицию стихосложения» (Евгения Лагунина, Александр Нелюбин, Любовь Малофеева, Карина Жакова и др.); б) «стихи, авторы которых по памяти пишут об окружающем мире, который в их стихах предстает особенно прекрасным» (Ольга Семененко, Галина Ушакова, Татьяна Кирьянова, Ирина Экимашева и др.); в) «новый для них опыт существования в другом измерении, с иными способами общения и восприятия реальности»²² (Алекс Гарсия, Алена Капустьян и др.). Я бы добавил особую форму иронизма, отчасти близкую Хармсу, в стихах Алексея Богатого: «Однажды зоопарк мы посетили / и восхищались, и в восторге были. / И даже — представляете? — я нюхал / зверюшек, что показывали люди. <...> Жираф-жирафыча унюхал я впервые, / кот-котофеича знакомого узнал / и карликового петушка увидел — / его я что-то раньше не встре-

19 См., например, *Лагунина Е.* Лебеди. М.: ЛитГОСТ, 2022. Или: <https://slovo.socinienic.org/евгения-лагунина-смоленская/> (дата обращения: 02.11.2023).

20 *Балла О.* Главного глазами не увидишь // Зоркое сердце: Сборник по итогам литературного конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество» / Сост. и ред. В. Коркунов. М.: ЛитГОСТ, 2019. С. 10.

21 *Подлубнова Ю.* Из разных ниш реальности // Обретенный свет: Сборник по итогам литературного конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество» / Сост. и ред. В. Коркунов. М.: ЛитГОСТ, 2021. С. 7.

22 *Голубкова А.* Другое измерение // Слово на ладони: Сборник по итогам литературного конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество» / Сост. и ред. В. Коркунов. М.: ЛитГОСТ, 2022. С. 5–7.

чал». Литературное здесь пересекается с сенсорным — особой обонятельной памятью, когда человек даже спустя полгода/год может по запаху узнать человека или животное, которое «унюхал» прежде.

Во всех типах высказывания, обозначенных Голубковой, речь о репрезентации и восприятии мира, будто бы *исключающих* документальный фрейм-диагноз, разговор о болезни от первого лица. А вот проза и эссе слепоглухих людей часто сосредоточены именно на проживании состояния слепоглухоты. Владимир Елфимов в мельчайших деталях (не чураясь самых болезненных эпизодов) описывает, как синдром Ушера, трудно диагностируемый в советскую эпоху, отвоевывал у него зрение²³. Сергей Новожеев пишет о дяде, который жил во Владивостоке около бухты и, несмотря на почти тотальную слепоглухоту, ловил гребешков. (Этот способ достоин краткого описания: дорогу до бухты дядя выучил самостоятельно, хорошо ориентировался в пространстве — наткнуться мог лишь на прохожих. На берег шел с большим надувным кругом, к специальному колышку привязывал канат, другой конец наматывал на круг. А вторым канатом обматывал себя и сходным образом крепил к кругу. Затем плыл туда, где водятся гребешки, нырял за ними, а потом по канату возвращался к кругу, где оставлял улов²⁴.) Михаил Кременецкий рассказывает о возвращении слуха после успешной кохлеарной имплантации (устройство улавливает звуки и предает их в виде импульса во внутреннее ухо), «притирке» к импланту, что само по себе становится документом: «...слышал я что-то несообразное и не поддающееся осмыслению. Это была какофония в виде пощелкиваний, потрескиваний, писков и визгов различной тональности. Ни один из услышанных звуков ни о чем не говорил, и было от чего прийти в недоумение и даже растерянность. <...> Я слышал звук его голоса, понимал, что он обращается ко мне и что-то спрашивает, раз за разом повторяя одно и то же короткое слово. И вдруг я разобрал: “чай”»²⁵.

Мы говорим о документальной составляющей прозы и эссеистики слепоглухих людей, чего, как правило, нет в их поэтических текстах. Поэтому наша работа с их монологами некоторым образом занимает незанятую ими самими нишу.

*

Определенная документальность в поэзии была всегда — как минимум когда автор, должным образом отстранившись, переносил в текст собственный опыт, наделял его *своим* голосом. Однако именно чужой *experience*, смонтированные, но не пропущенные через эстетическую переработку голоса Других, особенно тех, кому общество отказывало в праве быть услышанными, — способны не просто достигнуть нужной рефлексивной дистанции, но и выйти за пределы текста (например, в социальную сферу). Разумеется, бывают и определенные совмещения как в цикле Марии Малиновской о конфликте в Буркина-Фасо,

23 Елфимов В. Два главных вопроса // <https://slovo.so-edinenie.org/владимир-елфимов-два-главных-вопроса/> (дата обращения: 02.11.2023).

24 Новожеев С. Ловец гребешков // <https://slovo.so-edinenie.org/сергей-новожеев-ловец-гребешков-расс/> (дата обращения: 02.11.2023).

25 Кременецкий М. Второе рождение // <https://slovo.so-edinenie.org/283/> (дата обращения: 02.11.2023).

где голос авторки практически сливается с голосом информанта. И другие вариации этого рода found poetry.

Этический вопрос об экспроприации чужого голоса (и тем более переплетении его со своим) не нов, взять хотя бы жесткие споры в США в 1930-е годы касательно «ее жанрового определения, генезиса и места в пространстве эстетического», о чем писал Виталий Лехциер²⁶. За прошедшее время docupoetry обратилась к опыту множества ранее не замечаемых, дискриминируемых, лишенных голоса людей, в том числе на постсоветском пространстве. Это участницы и жертвы первой чеченской кампании (Михаил Сухотин), люди, оказавшиеся в сердце грузино-югоосетинского конфликта (Станислав Львовский), жития «маленьких» людей (Александр Авербух), жертвы самого разнообразного насилия, вписанные в судебные протоколы (Лида Юсупова), хронические больные (Виталий Лехциер), жители блокадного Ленинграда (Сергей Завьялов), дети с проблемами аутистического спектра (Елена Костылева и Константин Шавловский), белорусы, покинувшие страну после событий 2020 года (Ганна Комар), и др.

Можно сказать, документальная поэзия переживает расцвет, и хотя этические и эстетические проблемы не иссякают (например: насколько можно вторгаться в жизнь информанта и много ли отличий у документального поэтического текста от журналистики?), все больше не замечаемых ранее человеческих документов попадают в фокус внимания поэтов-документалистов²⁷.

Разумеется, поэзия в целом нередко занимается апроприацией. Притом что «слепотой и глухотой как слепотой к звукам открылось развитие всего привычного нам искусства»²⁸ — замечает Александр Марков, вспоминая не только Гомера, но и «косноязычную глухую немоту» Моисея; в этом контексте наша работа (и в целом письмо слепоглухих людей, особенно в личном аспекте) апеллирует к истокам искусства вообще; болезнь, ограничившая человеческую жизнь, претворившись в рамках искусства, делает ее безграничной. Но одно дело, когда автор_ка пропускает чужой опыт через свои чувства, сохраняя и бережно перенося чужой опыт, и совсем другое, когда напрямик использует, по сути, жизнь другого человека в своих целях.

Важно понимать, документальная поэзия — не всегда интервью и согласие информанта (например, когда речь о протоколах судебных заседаний, с которыми работала Лида Юсупова, или фрагментах новостей, письмах, фотографиях и т.д.). Насколько этична эта работа, когда человек не знает, что его опыт записывают и скоро издадут? Насколько этична, когда человека уже не стало, — например, если это docupoetry из глубин морга? Какой опыт порой необходимо донести до читателя (например, жертв того или иного катаклизма/катастрофы/войны), а когда нужно взвесить, стоит ли приступать?

Это не вопрос жалости, она ставит автора/редактора/интервьюера etc. или в позицию сверху, или в позицию благотворителя, литературно-эмоционального донора. Ирина Поволоцкая однажды спросила: «Вы публикуете мои тек-

26 Лехциер В. Экспонирование и исследование, или Что происходит с субъектом в новейшей документальной поэзии: Марк Новак и другие // Лехциер В. Поэзия и ее иное. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2020. С. 106.

27 Об этом я говорил в предисловии к книге Ганны Комар «Мы вернемся» (М.: UGAR, 2022).

28 Марков А. Слепоглухота как культура для самого бытия // Я-тишина... С. 7.

сты, потому что это искусство или потому, что я инвалид?» — это сакраментальный вопрос (само)уважения и равных прав.

Разумеется, процент своего и чужого в документу может быть различен, как и степень искажения; об этом можно дискутировать, и позиции сторон не обязаны совпадать. «Я думаю, что это вопрос чисто технический», — отметил в одном из опросов Сергей Завьялов; «Я ничего не меняю, мне важно сохранить даже опечатки и ошибки», — добавила Лида Юсупова²⁹. Правы, на наш взгляд, они оба.

*

Идея записать монологи слепоглухих людей возникла у меня в начале 2020 года — примерно через год после начала работы в фонде поддержки слепоглухих «Со-единение». Когда я приступил непосредственно к документальной работе, у меня не было вопроса, какие люди станут моими героями и героинями. Было множество вопросов «как?». Как объяснить, почему я хочу вернуть их к тем ощущениям, когда они теряли зрение и слух? Как быть настолько эмпатичным, чтобы они доверили самые незащищенные и болезненные эпизоды своей жизни? (Не только: я касался и того, чем обогатилась их жизнь, и т.д.)

Иногда, чтобы подобраться к интервью, проходило несколько недель и даже месяцев. Мне было важно, чтобы было важно им, — иначе это была бы прогулка по колено в воде там, где нужно было занырнуть с головой. Фрейм документальности, о котором писал Виталий Лехциер³⁰, был задан изначально: в подзаголовке каждого цикла я обозначал слово «монологи» (хотя изначально это мог быть не монолог, а набор разрозненных фраз, и моя работа становилась отчасти режиссерской), каждое стихотворение было озаглавлено именем реального человека, чьи реальные слова использованы в тексте; в отличие от целого пласта документальных работ, каждый монолог верифицирован, а поскольку я добавил в работу элемент интервью (через обозначение имени и фамилии информанта), результат получился во многом соавторским.

Первой темой стали последние зрительные ощущения, то пограничное состояние, когда в жизни человека был свет — и наступила мгла (мгла приходит чаще, чем тьма; мои герои_ни рассказывали, что перед глазами будто идет снег, когда ни один зрительный образ уже не достигает). С темой последних звуковых воспоминаний было сложнее. Если человек родился глухим, у него их не было; если терял слух с течением жизни, ситуацию часто спасали слуховые аппараты или кохлеарная имплантация. Однако нашлись и они. В третьей теме я пытался заглянуть внутрь слепоглухоты — узнать, что мои герои и героини получили взамен ушедшего слуха и зрения.

К получившимся текстам мы шли разными путями. Один герой (Игорь Маркарян) едва ли не исповедовался мне, прислав текст на 8 страниц (около

29 Документальная поэзия: опрос // Poetica. 2022. № 1 (<https://licenzapoetica.name/points-of-view/survey/dokumentalnaja-pojezija-opros> (дата обращения: 02.11.2023)).

30 Лехциер В. Экспонирование и исследование... С. 111 (См.: «Эти сигналы (подтверждающие документальный фрейм. — В.К.) могут посылаются посредством контекстуальной или рамочной атрибуции цитируемого источника, графического выделения документальных вставок, авторского затекстового комментария, демонстрации самого документа или его образца, которые переносятся поэтом в литературу».)

30 тысяч знаков). С другой героиней (Карина Жакова) мы дважды созванивались, а потом в соцсетях по строчке, малейшей жизненной детали извлекали/реконструировали ее историю. С третьей решили сделать театральную постановку, в которой она, тотально слепоглая, выступит режиссером. В каких-то случаях это могло быть извлечение из интервью (Наталья Кремнёва), в каких-то — достаточно было единственного созвона (Елена Какорина, Наталья Залевская). Одна из моих героинь (Татьяна Биянова) не владела гаджетами — ответы я получал благодаря ее подруге, которая передавала из руки в руку мои вопросы, а ответы записывала на диктофон. И т.д.

Во всех монологах, где это было возможно, я сохранял стиль речи или письма моих героинь. В циклах нет авторских допущений. Если я хотел что-то уточнить, проверить догадку, то задавал дополнительные вопросы. Своими были темы, сами интервью, отработка, режиссура, композиция (и много-много сомнений).

Как я уже сказал, я намеренно оставил имена и фамилии своих героев и героинь, поэтому не называю их информантами; а также добавил минимальные биографические сведения. Анонимная боль трогает меньше, чем история конкретного человека. Я хотел, чтобы у читателя произошло максимально полное слияние с каждой из них. *Абстрактные* слепоглые люди, спрятанные только за именем, далеки от читателя. Мне было важно разбить несоответствие «мы» и «они», оставить только «мы» — в этом я в целом вижу одну из задач документальной практики.

Представленные тексты — в некотором смысле синкретизм поэтической, журналистской и психологической работы. Мне было важно «заразить» своей идеей (по-толстовски) своих героинь. Возможно, в некоторых случаях это удалось. Одна моя героиня процитировала во время интервью Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел».

Им важно, чтобы их видели вы.

Поэтому они говорят.